

Использование в специальной литературе понятия «индивидуальный стиль мышления» может рассматриваться также в качестве одного из проявлений персонификации как формы рефлексии. Обобщения, касающиеся профессионального мышления некоторого индивида, присущие ему манеры работы, ценностные установки, эвристические приемы, навыки мышления и дискурса, привычки поведения и т. п., оказываются вместе с тем одновременно фиксацией определенного содержания методологически значимых регулятивов. И если соответствующие знания и представления затем становятся элементом рефлексивной надстройки в рамках того или иного вида специализированной деятельности (пусть и не в целом, а лишь локально), то имеет место указанная форма методологической рефлексии. В более широком плане в этом же духе можно, по-видимому, говорить и о деятельности определенных коллективов, организаций, научных школ, институтов, обладающих известным стилем работы и т. п. Механизмы, посредством которых персонифицированные рефлексивные знания оказывают влияние на творческие процессы, могут быть охарактеризованы с помощью таких понятий, как *подражание*, *эмпатия* и *имитация*.

Персонификация в качестве формы рефлексии оснований мышления практически не упоминается в существующей на сегодняшний день методологической и философской литературе. В связи с этим попытаемся дать некоторое обоснование рассмотрению ее как одной из таких форм, обращая при этом в первую очередь к науке. Поскольку это одна из наиболее развитых областей специализированного мышления и деятельности, обладающая к тому же наиболее детально проработанным методологическим самосознанием, поэтому то, что удастся доказать относительно нее, можно, по-видимому, с достаточной долей уверенности переносить и на другие, схожие с нею сферы деятельности, в том числе и на литературное творчество. Что и является основной целью данной статьи.

Хорошо известно явление персонификации социальных, нравственных, эстетических и других идеалов и норм. Как уже говорилось выше, в качестве соответствующих «персон» могут выступать как воображаемые личности: боги, литературные герои и т. д., – так и реальные исторически существовавшие люди, биографии которых, правда, также нередко подвергаются разнообразной, в том числе и «мифологической» обработке. Персонифицируются, кроме того, различные умения и искусства, как в целом, так и в отдельных аспектах. Мы знаем великих мастеровых, воинов, полководцев, политиков,

организаторов и руководителей производств, спортсменов и, конечно же, деятелей искусства. Каждая сфера специализированной деятельности хранит память не только о своих выдающихся, образцовых достижениях, но и о людях, с которыми они связаны. Память об этих персоналиях, если на нее взглянуть с точки зрения рефлексии, оказывается вместе с тем и одной из форм осознания идеалов и норм и других методологических установок, функционирующих в данной сфере культуры. С *когнитивной* точки зрения ее обычно представляют как один из видов или уровней отражения социальной практики. Персонификация выступает здесь в качестве определенного шага в сторону типологизации, обобщения, понятийно-идеологического воспроизведения того же самого по сути содержания. В *коммуникативных* аспектах она оказывается одним из существующих способов трансляции оснований мышления в культуре, репродуцирования, воспроизведения и распространения их. В этом плане она отличается большей доступностью и легкостью усвоения, чем в случае трансляции указанных оснований другими способами. Эти качества персонификации определяют, по-видимому, основные истоки ее существования, ту роль и значение, которые она имеет в культуре, а также большую или меньшую ее распространенность в тех или иных условиях. Персонификация может существовать как исторически преходящая форма рефлексии регулятивных оснований мышления, предшествующая понятийному и теоретическому осмыслению их. Но она может носить и вторичный по отношению к последним характер, служа в частности целям популяризации и образования.

Персонификация идеалов и норм практики познания также имеет место, и ее значение для воспроизводства и функционирования в частности научной деятельности вполне сопоставимо с ее ролью в указанных сферах культуры. Подобно тому, например, как Солон или Перикл в античности воплощали в себе образец государственного деятеля, политика и законодателя (у них учились, им подражали, им завидовали и, сравнивая с ними, оценивали деятельность других людей на общественном поприще), в науке и философии того же времени Демокрит и Эмпедокл были известны как творцы хорошо разработанных натурфилософских учений, Сократ славился методом, Платон наряду с прочим формой изложения и т. п. «Автор «Метафизики», – пишет в этой связи об Аристотеле В. В. Соколов, – персонифицировавший философию на множество веков, неотделим от убеждения в окончательности сформулированного им постижения бытия» [7, с. 277]. Начиная с нового времени, в подобной роли оказывается Галилей, который «как тип и личность ... стал живым символом стремящегося к общезначимому познанию, надеющегося лишь

на самого себя, мыслящего человечества» [8, с. 81]. Приведение примеров можно продолжить, но и этих достаточно, чтобы установить существование интересующего нас культурного феномена. В современном мире персонификация как способ фиксации методологических регулятивов в научном сознании играет вроде бы меньшую роль и, возможно, не так ощутима. Однако анализ путей формирования профессионального мышления ученых (и представителей других профессий, связанных с творчеством) во многих случаях позволяет обнаружить ее присутствие. Влияние этой формы рефлексии, вероятно, более значительно в те периоды, когда складывается отношение будущего ученого к своей профессии, формируются ценностные основания сознания и параллельно с этим усваиваются и методологически значимые установки, идеалы и нормы. Наличие такого рода образований в составе специализированного мышления, отличающихся от других «по происхождению», по способу их формирования, можно в известных случаях зафиксировать также и в качестве особенностей мышления уже работающих, профессиональных ученых. Приведем в этой связи примечательную констатацию А. В. Пиппарда, в которой помимо прочего содержится небезынтесный пример негативного влияния рефлексивных «знаний» на творческие процессы. «Индивидуальные привычки в мышлении у классиков науки, – пишет он, – слишком часто брались как пример для подражания менее одаренными людьми» [4, с. 35].

Персонификация, в отличие от других форм рефлексии, не обладает столь выраженной соотнесенностью или связанностью с содержательными аспектами оснований продуктивного мышления. Эта соотнесенность существует, но она имеет более свободный и, можно сказать, более условный и даже косвенный характер. Представление о той или иной личности или просто упоминание имени может в различных ситуациях иметь разную смысловую нагрузку. В одних случаях, это просто своеобразный «узелок на память», вызывающий определенные ассоциации. В других – использование «имени» имеет преимущественно конвенциональный, т. е. в прямом смысле условный характер. Стоит отметить, что специальные исследования, посвященные творчеству выдающихся деятелей в различных областях культуры, способны придавать персонифицированным формам рефлексии значительную смысловую нагруженность и, что не менее важно, обеспечивать определенное единообразие в их употреблении. В качестве примера можно привести работу К. Левина с выразительным в интересующем нас плане названием «Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии» [2]. В этой работе известный

ученый-психолог, осуществляя методологическую рефлексию над разными способами мышления, реализующимися, в физике и психологии, прибегает к персонифицированному обозначению. Это не значит, конечно, что содержание исследования полностью относится только к рассматриваемой здесь форме рефлексии. В нем скорее доминирует другая форма – рефлексия в виде правил, принципов и норм. Вместе с тем эта его статья может служить хорошей иллюстрацией и для персонификации.

Помимо проблем смысловой нагруженности стоит обратить внимание и на то, что персонификация в качестве особой формы рефлексии может быть в зависимости от тех или иных условий выражена *по-разному*. Некоторые из этих способов выражения уже упоминались выше. В частности, речь шла о том, что в качестве соответствующих «персон» могут выступать как реальные, исторически существовавшие люди или даже некоторые институционализированные образования, так и воображаемые «лица» (боги, литературные герои и т. п.). Однако существует еще один способ такого выражения, о котором необходимо сказать особо, ввиду значительности его роли в формировании и функционировании наиболее развитых видов специализированного мышления. Прежде всего, это относится к науке, но по аналогии с нею в этой связи можно говорить и об инженерии, образовании, искусстве, управлении и т. п. Как утверждают исследователи, прежде всего социологи науки, в структуре самосознания профессиональных ученых обычно присутствует некоторая обобщенная модель, образец «настоящего (подлинного) ученого», на который они сознательно ориентируются как на своеобразный эталон. Этот образец необходим и на этапе формирования ученого, и для сохранения его в качестве профессионала на протяжении его последующей карьеры, и для воспроизведения самой этой профессии как общественного и культурного явления. По утверждению Б. З. Мирской, для поддержания эффективности работы научных организаций на должном уровне очень важно «формировать у ученого представление, что его деятельность протекает в “нормальных” условиях и никакие объективные причины не мешают ему идти путем творца, модель которого существует в его сознании как образец для подражания» [3, с. 159]. И далее, там же она пишет: «Ликвидировать образец нельзя – именно от степени его реализации вступающий в науку... становится или не становится ученым».

И хотя такого рода обобщенный образ профессионала, воплощающий в себе идеал или, по меньшей мере, некое приближение к нему, не имеет в данном случае имени и других конкретных черт, отличающих исторически существовавшее лицо, его все же следует относить к

рассматриваемой нами форме рефлексии. Основанием для этого является то, что, несмотря на отмеченные отклонения, здесь присутствуют основные признаки, характерные именно для этой формы. Здесь мы также имеем удобный случай выделить указанные признаки и рассмотреть их особо.

Первый из них состоит в том, что в данном образе (или образце, модели) научная или какая-то иная деятельность предстает, прежде всего, в «человеческом», субъективном измерении. Речь в подобных случаях идет и об определенной организации, и об определенном типе субъективности, т. е. о действующем субъекте. Отметим кстати, что соответствующие типы и их отдельные характерологические черты могут быть при этом разными. Применительно к науке выделяют в частности такие типы, как ученый «академик», «локалист», «промышленник», «организатор» и другие [3, с. 157]. Однако для той позиции, которую мы занимаем в данном исследовании, это не имеет существенного значения. Для выделения рассматриваемой формы достаточно того, что известного рода элемент присутствует в структуре соответствующего методологического самосознания. Определенные же аспекты этого компонента могут при этом варьироваться.

Второй признак, специфицирующий персонификацию в качестве одной из форм методологической рефлексии, – подражание. Подражание представляет собой здесь некий «механизм», посредством которого определенные образования сознания воздействуют на организацию мышления, или, иначе говоря, выполняют регулятивные функции. Субъективное измерение, характерное для рассматриваемого образа (модели) профессионала и других аналогичных ему образований сознания, создает предпосылки для того, чтобы этот механизм мог быть приведен в действие. Подражание как особый вид связей внутри определенной сферы действительности, обладает вместе с тем рядом функциональных преимуществ. Уже поэтому персонификацию, не стоит трактовать только (хотя, в определенных ситуациях это и необходимо) как низшую по сравнению с другими и, следовательно, преходящую ступень рефлексии. Она занимает свое место в комплексе других форм и не только может находиться в составе рефлексивной составляющей продуктивного мышления, но и являться, в общем-то, необходимым ее компонентом, функциональная значимость которого может в зависимости от тех или иных условий возрастать или уменьшаться. Приведем в этой связи еще одну цитату, автор которой, основываясь на личном опыте, показывает одну из тех ситуаций, в которых персонификация играет заметную роль в качестве средства трансляции и сохранения

регулятивных оснований научного мышления. «Как, пожалуй, и всякий, – пишет Г. Йонас, – поначалу я “переживал” науку в личности моего университетского учителя. Личность эта играет в философии и в науках о духе куда более значительную роль, чем в точных науках... В крайнем случае такая личность может оказать воспитательное воздействие в качестве образца в применении (а тем самым – в натаскивании) общезначимого метода. Напротив того, ... историк, социолог, филолог, теолог, но еще более их всех философ – это всякий раз единственный человек, который учит, философствуя. И учились, таким образом, не просто “философии” как специальности, но отправлялись именно к Гуссерлю, Хайдеггеру, Гартману, Ясперсу, выбирая себе в соответствии с этим университет и учебный план. В них и переживалась сущность специальности как таковой, в них она воплощалась. Студент делался “учеником” в совершенно особом смысле; и впоследствии требовался некий процесс эмансипации, если вы не желали так и остаться учеником на всю свою жизнь» [1, с. 105–106].

Говоря о персонификации применительно к литературному творчеству, необходимо иметь в виду, что здесь она уже выступает не в одной, а в по меньшей мере *двух* функциях, и их необходимо различать. С *одной стороны* персонификация в искусстве и в особенности в литературе является одним из средств художественного изображения, элементом того, что принято называть поэтикой. В этом плане она есть особый художественный прием, используемый вполне сознательно и целенаправленно. Но нас интересует здесь его *вторая* функция, подобная тем, о которых говорилось выше. В художественном мышлении также присутствуют или, по крайней мере, могут присутствовать определенные «персоны», оказывающие влияние на его организацию и, следовательно, на его результаты. Применительно к русской литературе в этой связи можно назвать А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. А. Булгакова и в том числе, безусловно, Н. В. Гоголя, которому в данной статье будет уделено особое внимание. Эти авторы оказали как на современную им, так и в особенности последующую литературу не только своими произведениями, но и постоянно присутствуют в литературном процессе, в его определяющем мышлении, в качестве особых, можно сказать, легендарных, мифических «персон». О них говорят, о них помнят, им подражают или, наоборот, противопоставляют себя им, изучают их биографии, создают легенды, анекдоты и т. п. В этих особых дискурсах и соответствующей «игре» воображения сливаются в единый комплекс, оказывающий заметное влияние на литературное творчество (а, возможно, и не только на него), их достижения в литературе, их мировоззрение,

судьба, типичные для них способы работы, стилистика, факты жизни, психологические особенности, черты характера и в том числе внешность. Благодаря этому в частности в художественной культуре закрепляются определенная поэтика, темы, типы художественных персонажей, складываются традиции и возникают направления. Персонификация в составе самосознания творческого мышления в искусстве и особенно в литературе несет в себе большую нагрузку, чем в других аналогичных областях общественной деятельности. Поскольку она охватывает значительно больше, как нам представляется, аспектов, в том числе и таких, которые не поддаются или, скажем, плохо поддаются рациональному описанию. Конечно, сказать в принципе можно обо всем, но в таком дискурсе неизбежны упрощения, а они могут приводить к невосполнимым потерям. Прежде всего, это касается художественной манеры того или иного автора, его стилистического своеобразия и даже некоторых особенностей его внешности, оказывающих непонятно каким путем влияние на его творчество и другое. В заключение приведем небольшой литературный опыт, способный служить иллюстрацией к вышесказанному.

Одесский Гоголь

В старой Одессе жил один престранный человек, звали его горожане Гоголь. За глаза, конечно. Нос у него был такой, что из Одессы можно было до Парижа достать. «А до Нью-Йорка?» – обычно спрашивали. «До Нью-Йорка, пожалуй, не дотянется, – отвечали, – разве что, его обладатель встанет на цыпочки». Но запахи оттуда, никто не сомневался, он бы уловил. И он этим носом, казалось, видел. Такой Гоголь. Очень тонкая была натура. И по национальности – чистый одессит. Говорить он почти не умел, бормотал что-то невнятное. Писать, может быть, тоже, но это малоизвестный факт из его жизни. Но вывески читал. Всегда стоял напротив, и по буквам, загибая пальцы и озвучивая вслух каждую из них, добивался чего-то своего. Не торопясь, соображал, делая паузы. На все это у него уходило немало времени, но он был упорен. Его тогда знали все – такой нос забыть нельзя. Выгонишь его из памяти в дневное время, он придет ночью, во сне. Это было произведение самой матушки-природы. А перед таким достижением нельзя было не снять шляпу или хотя бы не скинуть картуз. Мысленно, конечно.

В общем, было тут на что полюбоваться. Когда он был в хорошем настроении, то двигал своим носом в разные стороны, как бойкий педагог указкой. Временами же был задумчив, и тогда больше напоминал скрипку в руках музыканта, исполняющего самую печальную на свете мелодию. Вокруг в таких случаях ходили тихо и тайком сочувственно поглядывали

на него. Зимой он одевался теплее, закутывался большим шарфом и надевал шапку-ушанку с солидным козырьком. Но основная достопримечательность все-равно была на виду у всех.

Жандармы ему отдавали честь. Браво так, с вдохновением, козыряли, а некоторые даже щелкали каблуками. Море счастья разливалось по улицам, когда он по ним шел. Все расцветало улыбками, даже фасады домов. Булыжники на мостовой начинали в это время как-то по особенному лосниться. Правда, крестьяне, прибывшие из окрестных сел, крестились иногда, шепча самим себе: «Свят, свят, свят!» И долго потом оглядывались в сторону Преображенского собора с надеждой, что грянут сейчас его колокола и наваждение пройдет. «Впечатляет, зато запоминается, – посмеивались одесситы. – Все-таки нигде нет столько достопримечательностей, как у нас».

А он, кого называли Гоголь, знал, что популярен. И торжественно так смотрел на всех, мол, знай наших. Но никогда при этом не были видны оба его глаза, только один глаз и нос. Этот выпуклый глаз на фоне носа смотрел, как мировое око, которое все видит и понимает, только сказать почему-то не может. Хотя по его выражению было заметно, сказать ему всегда есть что. Некоторые даже из-за этого не знали, какого цвета у него глаза. Возникали дискуссии. Но без драк, как это часто случалось – заспорят, потом подерутся. Здесь все было как-то по-доброму, с озорством. Его нос даже называли флагом нашего города или флагом юга империи. Художники соперничали между собой за право написать его портрет. Многие брались, но портрет не получался, очень значительное было лицо. А главная его деталь ни на каком холсте не помещалась. Формат всегда был не тот.

Жаль, конечно, что обладателя такой достопримечательности застрелили в революцию. Случайно, ради куража, какие-то чмурики из тогдашних радикалов или, может быть, анархисты. Сказать точно не может никто. Хотя в то же время поговаривают, что он ушел из города на одном из кораблей вместе с французами, и его даже кто-то видел за границей. Но среди французов он уже, конечно, меньше выделялся. Да, и при любом раскладе, что там, в этой Франции, могло быть? Легкое удивление на месте того восторга, который его окружал на наших улицах. В настроениях одесситов ведь всегда сверкает солнце и играет море, даже, если на улицах этого города стреляют и не всегда известно, кто в кого. И далеко не каждый уже помнит, что такое вообще покушать или хотя бы просто поспать от души.

Мне лично такой конец истории кажется более подходящим. Но слава от такого человека в любом случае осталась. С тех пор у природы ничего

так не получалось хорошо, как этот нос. И это, помните все, было в Одессе. Уникальный город, неповторимый. У него даже Гоголь и тот был свой.

Ну вот, рассказал историю – колпак с души снял. Ведь у нас как – что не записано, то всегда эфемерно.

1. Йонас Г. Наука как персональный опыт // Человек.– М., 1999.– № 4. – С. 102–116.
2. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал.– Т. 11.– №5.– М., 1990.– С. 135–158.
3. Мирская Е. З. Проблемы личности ученого в американской социологии науки // Вопросы философии.– М., 1973.– № 10.– С. 155–163.
4. Образованный ученый.– М.: Наука, 1979.– 160 с.
5. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках: в 3-х т.– М.–Л.: ГТТИ, 1933.– Т. 3. – 324 с.
6. Ополев В. Т. Методологическая рефлексия и ее формы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского.– Т. 21 (60). №3. – Сер. Философия. Социология.– Симферополь, 2008.– С. 143–151.
7. Соколов В. В. Об одной гносеологической проблеме // Античная культура и современная наука.– М.: Наука, 1985.– С. 276–281.

*Вера Савченко***«ВСЕ В САД!» ИЛИ КОМИЧЕСКИЕ «СЮЖЕТЫ» В
ЛАНДШАФТНОМ ИСКУССТВЕ**

У статті аналізується розмаїття проявів категорії «комічне» у ландшафтному мистецтві. Сміхове начало може виражатися у скульптурі, інсталяціях, фітодизайні та архітектоніці саду.

Ключові слова: *форми комічного, ландшафтне мистецтво.*

В статье анализируется разнообразие проявлений категории «комическое» в ландшафтном искусстве. Смеховое начало может выражаться в скульптуре, инсталляции, фитодизайне и архитектонике сада.

Ключевые слова: *формы комического, ландшафтное искусство.*

Various manifestations of the category of humor in landscape art are analyzed in this article. The principle of laughter can be expressed in garden sculptures, installations, phytodesign and architectural structure.

Keywords: *forms of humor; landscape art.*

Постановка проблемы. Осмысление феноменов смеха и смеховой культуры, ставшие в последнее десятилетие предметом целенаправленного внимания организаторов и участников международных первоапрельских конференций, проводимых в Одессе, открывают новые горизонты этой все более и более расширяющей свои границы области исследований. Тем не менее одним из практически не изученных ее аспектов представляется такая сфера культуры и творчества как ландшафтное (садово-парковое) искусство (другие названия: ландшафтная архитектура, ландшафтный дизайн). В эпоху нарастания экологических проблем, любые попытки осмысления темы взаимоотношений человека и природы приобретают острую злободневность. Ландшафтное искусство как особая форма художественно-творческого «взаимодействия» человека с природой заслуживает самого пристального и разностороннего внимания. Анализ проявлений смехового начала в этой области представляется актуальным и перспективным, как для более глубокого понимания ландшафтного искусства, так и в целом для исследования культурфилософской проблематики смеха.

Анализ литературы. Тема проявления категории комического в ландшафтном искусстве пока не подвергалась специальному изучению. Тем не менее, в определенной степени она присутствует в разнообразных источниках, имеющих, как теоретическую, так и практическую направленность. Так, в трудах Д. С. Лихачева [9], О. Б. Сокольской [15],